

Шэнь Юй смотрел в оба и слушал во все уши.

Отлично, сосед по парте дрожит и готов хоть сейчас в стену вжаться. Зеваки в радиусе двух-трех метров, не имея ни грана зрительского духа и принципов, уже молча отодвинули свои позиции подальше.

Каждый в классе изо всех сил пытался снизить свою заметность, лишь бы не попасть под ураган, но все как один бросали на Шэнь Юя взгляды, полные смеси жалости, восхищения и сложных чувств.

Шэнь Юй в эпицентре бури —

Естественно, естественно, ему не страшно.

Какой там не страшно?!

Сердце Шэнь Юя бешено колотилось, в душе текли две широкие реки слез.

Лицо Чжоу Цзиньшэна становилось всё мрачнее. Он согнул колени и резко, безжалостно пнул стоящую перед ним парту прямо в Шэнь Юя.

Бах-бах-бах-бах —

Коробка с лепешками раскололась, поджаренные ломтики парового хлеба рассыпались по полу, в воздух поднялся горячий пшеничный аромат. Шэнь Юй невольно сглотнул слюну.

Но сейчас явно было не до слюней.

Удар Чжоу Цзиньшэна был быстрым и резким, без предупреждения, страшнее любой катастрофы.

В «Цзиньяне» столы и стулья были из стали и дерева, их и во время уборки трудно двигать. Теперь же две парты, под воздействием силы, столкнулись, углы ударились об углы, сталь об сталь, дерево об дерево. Невозможно было различить, что с чем столкнулось в первую очередь. Лишь за долю секунды раздался грохот, словно землетрясение, и парты с грохотом рухнули на пол.

Парта Шэнь Юя, невинная жертва, была сбита с ног, стакан с водой, книги, пенал — всё разлетелось в стороны.

В лучах света плясала поднявшаяся пыль.

В этот момент в классе наступила абсолютная тишина. Исчез даже звук дыхания.

Никто не ожидал, что Чжоу Цзиньшэн на этот раз будет так жесток. Шэнь Юй, полагаясь лишь на чувство опасности, инстинктивно метнулся в проход, иначе его бы задело столкновением двух парт.

Уклоняясь от удара, он, отступая назад, неминуемо сильно ударился бедром о край парты с другой стороны прохода.

Мгновенно острая боль и слабость пронзили бедро до самого скальпа.

Шэнь Юй чуть не рухнул на колени, но тут же оперся рукой на парту сзади, чтобы удержать сползающее тело.

***, Чжоу Цзиньшэн, ты, **, не по правилам играешь.

Убивают даже без предупреждения!

В поле зрения две парты лежали в обнимку друг с другом, как сросшиеся, полная катастрофа. Если бы не быстрая реакция, Шэнь Юй сам бы стал частью этой катастрофы.

Еле ушел.

Хорошо, что опасность всегда чуть-чуть отставала от него.

Шэнь Юй глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, стараясь, чтобы лицо не выглядело перекошенным от боли. Поднял голову, ресницы дрожали, в глазах — точно выверенная доля обиды и растерянности. Он смотрел на Чжоу Цзиньшэна.

В полумраке Чжоу Цзиньшэн стоял, засунув руки в карманы, словно всё произошедшее его не касалось.

Спустя мгновение Чжоу Цзиньшэн нагнулся, поднял с пола рюкзак, ладонью стряхнул пыль и, перекинув его через плечо, направился к выходу из класса.

Пройдя полпути, словно о чем-то вспомнив, остановился. Взгляд его сначала упал на лицо Шэнь Юя, затем, следуя за рукой, скользнул вниз, к его кисти.

Казалось, он хотел что-то сказать, но это мимолетное чувство, словно выдох в холодный зимний день, мгновенно исчезло без следа.

В конце концов Чжоу Цзиньшэн ничего не сказал, лишь сжал губы и широким шагом вышел.

Шаги удалялись. Шэнь Юй, напряженный, как струна, внезапно расслабил плечи.

Как только Чжоу Цзиньшэн ушел, звуки вернулись.

Чэн Итань, почти слившаяся со стеной, растерянно смотрела на Шэнь Юя сквозь разбросанные в беспорядке упавшие парты, глаза ее наполнились слезами:

— Шэнь Юй, твоя, твоя рука...

— Кровь идет!

Восточный район, Сыхуаюань.

Сыхуаюань построен на горе Сяочжоушань у залива Циншуй. У подножия горы Сяочжоушань патрули, наемники в камуфляже с автоматами строго досматривают въезжающие и выезжающие машины. Увидев автомобиль резиденции Чжоу, они синхронно скидывают руки в воинском приветствии.

Вверх по извилистой горной дороге, полусклон ведет вверх, по обе стороны — прямые изумрудные сосны и кипарисы. Кипарисы, сохраняющие зелень круглый год, зеленью своей растекаются вдоль щелей между деревьями, простираясь во все стороны.

Дорога кончается, и величественная резиденция Чжоу, не нуждаясь в хвастовстве, молча и величественно возвышается в центре взгляда, вызывая невольное благоговение.

Снаружи ворот, в отличие от других вилл и особняков, не выстроились ряды роскошных авто. Справа два ряда перекрещенных платанов выводят на неприметную второстепенную дорогу, ведущую к широкой парковке у озера. Тихая и величавая основательность просачивается в неприметных деталях.

Слуги в резиденции Чжоу работают слаженно. Водитель открывает дверцу для Чжоу Цзиньшэна. Чжоу Цзиньшэн с рюкзаком выходит из машины и пересекает обширный газон перед главным входом в виллу.

Звонит Чи Сяньли. Чжоу Цзиньшэн сбрасывает вызов.

Чи Сяньли пишет ему в мессенджере: [Вернулся в Сыхуаюань?]

Чжоу Цзиньшэн не отвечает. Чи Сяньли знает: о делах резиденции Чжоу подробно не

расспросишь, слишком много глаз следят за каждым движением Чжоу. Даже если спросишь, ответа не получишь. И вдруг, что-то вспомнив, он с осторожностью пишет: [Пробовал прощупать?]

Чжоу Цзиньшэн: [Дошло до крови.]

Чи Сяньли: [!]

Чжоу Цзиньшэн помолчал и, что редко, удосужился объяснить: [... Я не хотел.]

Чи Сяньли с понимающим видом отвечает: [Понимаю, случайность, случайность.]

Чжоу Цзиньшэн выключает телефон, больше не отвечает ему. Проходит по извилистым и глубоким коридорам, от главного входа до западного холла, и издали видит, как Чжоу Жухуэй, подняв руку, командует слугам, переставляющим вещи.

Женщина одета в простое элегантное черное длинное платье, атласная роскошь, словно залитая солнцем водная гладь, переливается.

На ней жемчужные серьги, острые красные губы холодны и жестоки. Черные волосы высоко убраны, открывая длинную, как у лебедя, шею. Кожа подтянутая, не как у женщины средних лет. Во всем облике — необычайная благородная стать.

Заметив входящего Чжоу Цзиньшэна, в глазах Чжоу Жухуэй промелькнул острый блеск. С горячей улыбкой она поспешила вперед, собираясь снять с него рюкзак, и с любопытством спросила:

— Цзиньшэн, почему сегодня не пошел на уроки?

Чжоу Цзиньшэн остановился, в глазах мелькнуло и тут же исчезло раздражение. Он резко бросил:

— А тетя разве не в резиденции Чжоу?

Движения Чжоу Жухуэй замерли, она с трудом подавила дрожь, взяла рюкзак Чжоу Цзиньшэна и передала его подошедшему слуге, приказав:

— Отнеси вещи молодого господина.

Повернув лицо, она вдруг улыбнулась, прекрасные глаза засияли жизнью:

— Тетя просто волновалась, что дедушке одному скучно, вот и навещаю иногда. Цзиньшэн, ты, наверное, устал в школе? Не обязательно же всё время учиться. Если устал — отдохни, завтра пойдешь на уроки.

В это время старого господина Чжоу, поддерживаемого Чжоу Яошу, спускают вниз.

Чжоу Жухуэй в молодости была занята борьбой за власть, во время первой беременности случился выкидыш. Позже, извлекая урок, когда носила Чжоу Яошу, она действительно хорошо заботилась о плоде.

Но, возможно, из-за того, что после первых родов организм не восстановился, роды Чжоу Яошу были тяжелыми, едва не случилась дистоция. Так и остался этот недуг. С детства он болел разными болезнями, лицо бледное, утонченное, немного женственное, без кровинки.

Старый господин Чжоу, жалея его за такую судьбу, то и дело вызывал его в резиденцию, чтобы хорошо за ним ухаживали.

Казалось, что любовь деда к внуку была даже сильнее, чем к родному Чжоу Цзиньшэну.

Старому господину за семьдесят, но он всё еще энергичен, выглядит даже бодрее Чжоу Яошу. На нем шелковая одежда в китайском стиле, седые волосы гладко зачесаны назад.

У старика холодный, властный нрав, лицо строгое и суровое, улыбается он редко.

Старый господин Чжоу взглянул на двоих и сказал Чжоу Цзиньшэну:

— Цзиньшэн, проводи дедушку немного прогуляться.

Чжоу Цзиньшэн, воспользовавшись случаем, попрощался с Чжоу Жухуэй и взял на себя обязанности Чжоу Яошу.

Чжоу Яошу с бледного лица улыбнулся и кивнул Чжоу Цзиньшэну. Чжоу Цзиньшэн холодно скользнул по нему взглядом и, поддерживая старого господина под руку, направился из резиденции.

Смотря вслед удаляющимся старику и юноше, чувства Чжоу Жухуэй вздымались, как волны.

В её прекрасных глазах читались злоба и жестокость, проступала доля безумной ярости. Пальцы судорожно вцепились в руку Чжоу Яошу, ногти впились в его тыльную сторону ладони. Бледная кожа из белой стала красной, выступили капли свежей крови, окрашивая аккуратно подстриженные ногти Чжоу Жухуэй.

Опустивший голову юноша, словно не чувствуя боли, сохранял на лице ту же кукольную улыбку и молчал.

Чжоу Жухуэй готова была зубами скрежетать от злости.

Она глубоко вздохнула, отвела взгляд, сдерживая бурлящую ярость и негодование. С крайне мрачным видом холодно приказала стоящей рядом ассистентке:

— Выясни, почему он не пошел на уроки.

Чжоу Цзиньшэн, поддерживая старого господина Чжоу, медленно шел по тихому Сыхуаюаню. По обе стороны улицы Саньвань буйно цвели поздние олеандры, бесконечное великолепие распускалось в летнем зное.

Ветви с цветами безудержно тянулись с обеих сторон. Неизвестно почему, глядя на эти буйные олеандры, в сознании Чжоу Цзиньшэна невольно возникал образ другого такого же пылкого человека и его окровавленных пальцев.

Подул ветерок, и один лепесток олеандра легко опустился на плечо Чжоу Цзиньшэна, всё еще в школьной форме.

Чжоу Цзиньшэн, нахмурившись, отогнал мысли и, подняв руку, смахнул цветок с плеча.

Старый господин Чжоу, хоть и был в преклонном возрасте, по-прежнему крепко держал в руках всю власть корпорации Чжоу, оставаясь фактическим правителем резиденции.

Старый господин много лет управлял корпорацией Чжоу, у него были сын и дочь. Старший сын, Чжоу Дэлинь, двенадцать лет назад объявил о своем гомосексуализме еще будучи в браке, за что был лишен наследства старым господином и изгнан из дома, и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

Кроме того, старый господин Чжоу в молодости был влиятельной фигурой, на гребне волны своего времени. За ним следовало бесчисленное множество людей. Среди них был его друг и партнер, который после одного обвала фондового рынка сильно пострадал и покончил с собой, выбросившись из окна.

Хотя это дело не имело отношения к корпорации Чжоу, если бы не старый господин, втянувший друга в это дело, ничего бы не случилось. Старик, в конце концов, чувствовал себя виноватым, поэтому взял на воспитание осиротевшего ребенка друга и назвал его Чжоу Минли.

Младшая дочь и приемный сын не в счет. Место наследника корпорации Чжоу пустовало много лет. Единственным законным наследником на данный момент был Чжоу Цзиньшэн.

С момента рождения Чжоу Цзиньшэна и до его совершеннолетия все с жадностью следили за позицией наследника корпорации Чжоу, особенно родственники самого Чжоу и побочные ветви.

Ведь место наследника пустовало слишком долго, а старый господин Чжоу становился всё старше. Когда человек стареет, он становится более сентиментальным, и, вспоминая прошлое, невольно хочет восполнить былые сожаления и обиды.

Когда в игру вступают чувства, никто не знает, какие перемены могут произойти.

Они ждали подходящего момента, точнее, они ждали ошибки, как в свое время у Чжоу Дэлиня.

Вся резиденция Чжоу была подобна змеиному гнезду — враги подстерегали повсюду.

Но, к их разочарованию, Чжоу Цзиньшэн не повторил судьбу своего отца и не стал бесполезным человеком.

Дорога Саньвань в Сыхуаюане шла у моря, влажный горячий ветер колыхал цветущие деревья.

Эту дорогу Чжоу Цзиньшэн проходил не менее тысячи раз, но сегодня ему показалось, что пейзаж по пути был особенно необычным, намного тише обычного.

Старый господин Чжоу шел вперед, его речь была медленной, но властной:

— Цзиньшэн, скоро совершеннолетие?

Чжоу Цзиньшэн, опустив глаза, ответил:

— Еще полгода.

Старый господин Чжоу остановился, Чжоу Цзиньшэн тоже.

Старик поднял голову и посмотрел на Чжоу Цзиньшэна.

Глаза старого господина Чжоу были пронизательны. Он постучал тростью и с величественным видом произнес:

— Я знаю, у тебя есть свои мысли. Но раз уж вернулся, не стоит относиться к резиденции Чжоу как к гостинице. Побудь эти дни в Сыхуаюане и заодно посети на следующей неделе плановое собрание. А когда эта буря утихнет, будем говорить о других делах.

Чжоу Цзиньшэн помолчал мгновение, затем кивнул:

— Понял.

«Цзинъян», школьный медпункт.

Школьного врача не было, но в медпункте оказался знакомый человек. Без макияжа, лицо чистое и нежное, глаза живые, черты напоминали Чэнь Цзиньяна. Кто же это мог быть, если не Чэнь Мяомяо?

Чэнь Мяомяо, очевидно, была завсегдаем медпункта и ориентировалась здесь лучше, чем у себя дома. Едва увидев Шэнь Юя, она окинула его взглядом с ног до головы и с жаром вызвалась помочь обработать раны. Шэнь Юй поспешно отказался.

После небольшой борьбы, в ходе которой Чэнь Мяомяо вдоволь налюбовалась на то, как Шэнь Юй, краснея своим красивым лицом, упирается, она наконец удовлетворила свое любопытство.

Она кашлянула, поправила пальцем очки и с деланной серьезностью утешила Шэнь Юя:

— Ладно-ладно, просто сними одежду, я же не кусок мяса у тебя отрезаю.

— Я и то не стесняюсь, а ты, Шэнь Юй, чего стесняешься? Не отодвигайся так далеко... Ну ладно-ладно, сдаюсь! Сам заходи и перевязывайся. Лекарство возьми, последовательность не забудь. Если не знаешь — спроси у меня, только не напутай.

Шэнь Юй задернул штору, разжал руку. Прозрачная пленка на ладони уже размягчилась.

По дороге сюда одноклассники сопровождали его, и у Шэнь Юя не было возможности избавиться от улик. По краям пленки всё еще оставались остатки сдавленных пузырьков с плазмой, похожие на гладкие белые жемчужины, вкрапленные по краям пленки.

Шэнь Юй потер липкую пленку, немного понаблюдал за ней, а затем, не в силах сдержать любопытство, осторожно лизнул палец языком.

Он нахмурился.

До чего же мерзкий вкус.

Шэнь Юй вытер рот салфеткой, завернул пленку в комок и, чтобы не мозолила глаза, выбросил в мусорку рядом.

У системы 007 сердце колотилось, как на американских горках, — сплошные острые ощущения. Увидев это, он на пару секунд замолчал, а затем с сомнением спросил: [Хозяин, а что это было?]

Шэнь Юй расстегнул пуговицы рубашки, снял её, для вида побрызгал на руку лекарством, а затем, сделав вид, что перевязывает руку, намотал бинт и отрезал его. [Пакетик с плазмой. В прошлый раз стащил у завуча, наверное, у учеников конфисковали для розыгрышей.]

[Похоже, эффект неплохой.]

А вот на пояснице была самая настоящая травма. Шэнь Юй не видел её, но, судя по ощущениям, там был огромный синяк. Он взял с подноса спрей от ушибов и, полагаясь на чувство, побрызгал на поясницу, не жалея средства.

Водянистая текстура была прохладной, чувствовалась припухлость.

Но в целом, если не нажимать, сильной боли не было. Шэнь Юй зубами надорвал пластырь от ушибов и ловко наклеил на поясницу. Разгладив загнутые уголки, он неторопливо натянул школьную форму обратно.

Чэнь Мяомяо за шторой шумно суетилась:

— Шэнь Юй, ты готов? Я зайду, дай-ка проверю!

— Готов.

Чэнь Мяомяо с энтузиазмом резко отдернула штору и внезапно замерла.

Пятнистые солнечные лучи врываются в медпункт вместе с теплым ветерком. Белая матерчатая штора, колышась в игре света, создавала ощущение разлитой вокруг тишины и покоя.

Ветер слегка шевелил полы рубашки. Шэнь Юй тихо сидел на больничной койке, лицо его слегка побледнело.

Услышав шум, юноша вздрогнул, его шелковисто-черные ресницы вспорхнули, словно бабочки. Он поднял голову и виновато улыбнулся, сжав губы.

— Всё перевязано, проверять не надо.

Много лет спустя, когда весь город из-за этого человека окажется в блокаде и все будут в

панике —

Чэнь Мяомяо неизбежно будет вновь и вновь вспоминать именно этот момент.

<http://bllate.org/book/15910/1427397>